Р.А.Симонов

ОБ АСТРОЛОГИЧЕСКОМ ПРОИСХОЖДЕНИИ ДРЕВНЕЙ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ЭМБЛЕМЫ РОССИИ — ЕДИНОРОГА

В 1975 г. было сделано важное открытие: Эрмитаж стал обладателем большой золотой монеты русской чеканки XV в. Раньше была известна небольшая золотая монета того же периода. Эти золотые не поступали в обычное монетное обращение, они были «визитными карточками» Московского великого князя и формой «государева жалованья» (1, с. 130—131).

Исследование нового раритета И.Г.Спасским дало интересные результаты. Оказалось, что монета была сделана по образцу английского нобля Эдуарда II (1327—1377). На лицевой стороне английской монеты был изображен корабль, отсюда ее древнерусское название — корабельник. Корабль в русском варианте перекочевал на оборотную сторону монеты, о чем свидетельствует круговая надпись, начинающаяся на ее лицевой стороне — с крестом — и гласящая, что это корабельник великого князя всея Руси Ивана Васильевича и его сына великого князя Ивана Ивановича. Иван Иванович, именовавшийся Молодым (1458—1492), в летописи называется великим князем с 1471 г. Следовательно, подражательная русская монета была сделана, скорее всего, в 1471—1492 гг. При ее оформлении наибольшим изменениям подвергся «животный мир» оригинала — львы, которые находились на щите воителя-корабельщика и на противоположной стороне вокруг креста. В русском варианте, как выразился И.Г.Спасский, львы были «решительно изгнаны». На щите вместо них поместили лилии, а в углах креста, находящегося на главной стороне русского золотого, «львов заменили четыре единорога. Для русской геральдики эта подробность представляет немалый интерес» (1, с. 115).

Со времен В.Н.Татищева единорог в историографии получил трактовку личной эмблемы Ивана IV. Корабельник Ивана III показывает, что единорог стал употребляться на средствах государственной власти задолго до Ивана Грозного — еще его дедом (1, с. 118; 2, с. 370; 3, с. 166).

Возникают вопросы: почему появился именно единорог в качестве эмблемы и кто его гравировал для монеты? Отвечая на них,

И.Г.Спасский отметил, что тема единорога была хорошо знакома по литературе и изобразительному искусству. По крайней мере с XIV в. русский читатель мог узнать об этом фантастическом животном по переводам «Христианской топографии» Козьмы Индикоплова, «Физиолога», «Повести о Варлааме и Иоасафе» и др. (1, с. 115–116). Следует заметить, что на предметах единорог, по-видимому, встречался вначале реже, чем в книгах. Так, к XIV в. относится изображение единорога на резном белокаменном барельефе, принадлежавшем исчезнувшему храму и затем использованном при строительстве в начале XVI в. церкви Иоанна Предтечи в селе Городище под Коломной. Изваяние плохой сохранности, в нем видели барса до тех пор, пока Н.Н.Воронин и В.Н.Лазарев не установили, что это единорог (4, с. 15–17). Существующая проблема правильности отождествления единорога также обусловлена и тем, что древнерусские его изображения не были унифицированными. Наряду с обликом, ставшим типичным для русской государственной эмблематики XV–XVII вв. на монетах, печатях и пр., в рукописях встречались изображения, лишь отдаленно похожие на этот рисунок: например, в виде представителя породы кошачьих с рогом (5, с. 12). Поэтому ссылка на то, что образ единорога был хорошо знаком по литературе и изобразительному искусству, не может служить достаточной для ответа, почему именно он появился на русском золотом XV в.

И.Г.Спасский приводил сведения о мастерах, которые могли создать русский корабельник. Облик этой монеты резко отличается от обычных русских монет XV–XVI вв., представлявших собой мелкие эллипсовидные пластинки серебра с неровно, как бы небрежно пропечатанными сторонами, что обусловливалось способом их чеканки из серебряной проволоки. Русский золотой напоминает западноевропейский тип монет, он круглой формы с четкой печатью. Лучше всего с чеканкой такой монеты справились бы иностранные мастера. И.Г.Спасский приводит сведения о нескольких итальянцах-денежниках, находившихся на службе Московского великого князя в то время, когда был создан корабельник, и, очевидно, имевших отношение к его выпуску.

Если образ единорога для русского золотого разработали итальянцы, то становится еще проблематичнее использование русской трактовки единорога, т.к. это требовало от них огромного труда по изучению многих рукописных и изобразительных источников и по сведению данных к общему «знаменателю». Скорее, дело шло другим путем: итальянцы подготовили несколько западноевропейских рисунков животного, а Иван III из них выбрал один или предложил скомбинировать образ из предложенных вариантов. Не исключено, что получившееся изображение совпало с одним из древнерусских. Следовательно, феномен появления единорога на русской монете

мог не зависеть от факта известности или неизвестности этого животного по древнерусской литературе и памятникам изобразительного искусства.

По мнению И.Г.Спасского, «кроме специальных заказов, как рассматриваемые золотые, от иностранцев ожидалось, видимо, лучшее, чем у своих мастеров, знание металлургии драгоценных металлов, а может быть, и до Москвы доходили слухи об удивительной науке, способной превращать медь и олово в золото и серебро» (1, с. 121). То, что итальянские денежные мастера могли интересовать Москву и в связи с алхимией, выводит проблему выбора изображения единорога для государственной эмблемы в русло символов изотерики. Из нее на Руси ранее всего, еще в XI в., познакомились с астрологией по «Изборнику Святослава» 1073 г. Причем древнейший образ единорога, данный здесь, является средним между «кошачьим» и будущим его русским эмблематическим типом, служа изображением зодиакального знака Козерога (6, с. 202). Не значит ли это, что единорог на русском корабельнике имеет отношение к этому знаку зодиака?

Вопрос будет иметь лишь риторический смысл, если его рассматривать вне астрологической ситуации на Руси XV в. До недавнего времени считалось, что астрология как систематически изучаемое и разрабатываемое учение могло быть связано на Руси с ересью «жидовствующих» (конец XV — начало XVI вв.). На это, в частности, указывал предположительно использовавшийся «жидовствующими» «Шестокрыл» — произведение, представлявшее собой таблицы для определения фаз Луны и затмений Солнца и Луны (7, с. 68–70; 8, с. 113–120). Новые исследования показали, что еще до «жидовствующих» на Руси существовала своя школа «расчетной астрологии». В прошлом веке Н.С.Тихонравов опубликовал астрологическую статью «Часы на седмь дни: добры и средни и злы» по списку, переписанному в 1450–1470 гг. известным книгописцем Ефросином (9, с. 382–384; 10, с. 7). Статья оставалась неизученной, пока не был обнаружен неизвестный ранее документ типа компактного набора таблиц, имеющий название «По сему часы разумети — дневные и нощные» (Псалтырь с восследованием, рукопись кон. XV — нач. XVI вв. РГБ, фонд 354, № 14, л. 663). Оказалось, что комплекс таблиц является астрологическим «вечным календарем», по которому для любого часа юлианской даты можно указать его характер — «злой», «добрый» или «средний», исходя из астрологических характеристик семи светил (септенера) — Солнца, Луны, Меркурия, Венеры, Марса, Юпитера и Сатурна,— каждое из которых «управляло» часами в строго определенной последовательности. Этот «вечный календарь» в сочетании с текстом, опубликованным Н.С.Тихонравовым, имеет важное историческое значение, показывая, что на Руси до «жидовствующих» и парал-

лелью с ними существовала так называемая инициативная или часовая «вычислительная астрология», а не гороскопическая, как в странах Западной Европы. По этому календарю можно было заранее, для любого часа наугад взятой даты найти его «планету-управителя» (хронократора), а по свойству последнего (как «доброго», «злого» или «среднего») — прогнозировать события самого обыденного характера: о заключении сделок, женитьбе, начале различных работ и действий, включая стрижку волос, раскрой одежды и зачатие благополучных детей. Церковь была обеспокоена деятельностью русских приверженцев инициативной астрологии. Известный духовный писатель и публицист старец Псковского Елеазарова монастыря Филофей в послании «На звездочетцы» (1523 или 1524 гг.) это осуждал. Что прогноз по «добрым» и «злым» часам интересовал тогда русскую общественность, свидетельствует вариант названия указанного произведения Филофея, в котором отражен предмет инициативной астрологии — «Послание к Иоанну Акиндеевичу о злых днях и часах» (11, с. 472). Филофей разбирался в деталях инициативной астрологии настолько, что понимал бесполезность для нее «Шестокрыла» «жидовствующих». На это обратил внимание еще в 1897 г. К.Голоскевич, который воспроизвел соответствующее место из послания Филофея: «И если кто по Шестокрылу начнет считать добрые часы,— читаем мы в послании,— тот употребит огромный труд, предпримет великий подвиг, а пользы не найдет никакой; он высчитает только затмение лунное или солнечное» (12, с. 17). Таким образом, «расчетная астрология» на Руси существовала до ереси «жидовствующих» и была связана с инициативной или часовой астрологией, обслуживая, так сказать, бытовые нужды людей. С этой целью применялись готовые расписания «добрых», «средних» и «злых» часов по дням недели («Часы на седьмь дни: добры и средни и злы») и более сложные таблицы («По сему часы разуметн — дневные и нощные»). Для использования последних требовались счетные усилия, умственные затраты на которые восполнялись тем, что результат получался независимо от знания дня недели — по одной лишь дате.

В этих двух статьях давалась оригинальная трактовка характеристик семи «планет» септенера, отличная от восходящей к Птоломею (ум. после 161 г. н.э.) западноевропейской (средневековой и современной). Одним из существенных отличий была характеристика Сатурна как «доброго», а не по-птоломеевски «злого». Характеристики «планет» септенера в статье «По сему часы разуметн» частично отличались от статьи «Часы на седмь дни» тем, что свойства Марса («средний») и Юпитера («злой») были, как бы переставлены местами. В результате исследования обеих статей в 1992 г. я пришел к выводу, что оригинальные свойства хронократоров этих древнерусских астрологических текстов могли произойти

из птоломеевских путем последовательности вычислительных преобразований, сделанных, возможно, на фоне недостаточно хорошего знания предмета (13, с. 327–343). Однако не исключено, что эти преобразования были осуществлены со знанием дела.

В том же 1992 г. М.Б.Левин, не будучи знаком с моим результатом, дал свое объяснение указанному различию трактовки хронократоров. По его мнению, оно связано с практикой соблюдения постных дней у православных христиан. М.Б.Левин не знал об указанных двух древнерусских статьях, а пользовался другим источником, что следует из таких его слов: «Я хочу сослаться на мало известную работу раннего средневековья, найденную в одном из сербских монастырей» (14, с. 60–61). Судя по указанному времени, работа, вероятно, была греческой, т.к. в период раннего средневековья славянских переводов астрологического характера еще не было. При нашем телефонном разговоре более точных данных о рукописи М.Б.Левин припомнить не смог, сославшись на давность лет, когда ему об этом сообщил некий филолог. Очевидно, предположительно греческий источник не был текстом типа древнерусской статьи «Часы на седмь дни», т.к. в последней хронократоры («планеты» септенера) явно не представлены. Не мог буквально совпадать он и с произведением «По сему часы разумети», т.к. в нем имеются отмеченные выше отличия в трактовке характеристик Марса и Юпитера. Значит, это — третий источник, в котором дана отличная от птоломеевской характеристика хронократоров, причем славянские тексты, по-видимому, восходят к этому предположительно греческому и, возможно, раннехристианскому произведению. Исходя из данных, неизвестных к 1992 г., можно дополнить и уточнить существующие объяснения новой (нептоломеевской) трактовке хронократоров. Древнегреческая (птоломеевская) их характеристика со «злым» Сатурном появилась в дохристианскую пору и не вызывала неприятия или сомнений. Когда Рождество Христово стало одним из наиболее чтимых событий христиан, от наблюдательных и знающих людей не мог укрыться факт рождения Иисуса Христа под знаком Козерога, для которого главной «планетой» был Сатурн. Поскольку по птоломеевской традиции Сатурн был «злым», то на рождение Христа и связанную с ним христианскую религию падала тень неприятной характеристики «злых». Это не могло не волновать адептов новой религии и, соответственно, заставляло искать выход. Самым радикальным было отнесение астрологии к разряду отреченных знаний, запрещенных для правоверных христиан, что и было сделано (при этом церковь не обязательно руководствовалась соображениями, исключительно обусловленными «злым» Сатурном). Другой выход мог быть связан с преобразованием характеристик хронократоров так, чтобы Сатурн стал

«добрым». Это решение фактически и отражают рассматриваемые три текста.

На Руси проблема хронократоров приобрела с XV в. общественный интерес в связи с распространением инициативной (часовой) астрологии. В условиях действующих запрещений со стороны русской церкви на астрологию вопрос о том, что предпочесть,— птоломеевскую традицию со «злым» Сатурном или ту, в которой Сатурн считался «добрым»,— мог решиться в пользу последней, как наименее подрывающей христианское вероучение. Однако только этим нельзя объяснить, почему на Руси закрепился «добрый» Сатурн, а в Западной Европе — «злой». Для «доброго» Сатурна на Руси должно было иметься некоторое конкретное основание, а не только общее. И такое основание было: оно заключалось в том, что Русь находилась под астрологическим «управлением» Сатурна. Об этом свидетельствуют, например, следующие фрагменты астрологического характера из рукописей XVI — нач. XVIII вв., опубликованные А.И.Соболевским (15, с. 141, 143, 425, 427):

1. «...Планета рекомый Крон (т.е. Сатурн.— Р.С.), а держит суботу, а стоит над Русью над Новым городом и над Москвою и над Литвою; а домы его — Козий рог и Водолей» (Сборник XVI в., хранившийся в бывшей Виленской публичной библиотеке, л. 61 об.—66).

2. «[Сатурн] держит под собою 2 домы, один, в котором он сотворен, то есть каприкорнус (от лат. названия Козерога — Capricornus.— Р.С.), Козий рог, зимнего прироженья, сухого и студеного» (Сб. XVI в. Виленской публ. библ., л. 67; Сборник XVI в., находившийся в музее Холмского православного Свято-Богородицкого братства).

3. «Пятая планида Крон (т.е. Сатурн.— Р.С.) держит суботу, а стоит над Русскою землею и над Великим княжеством Литовским и над Новым городом» (Сборник XVII в., РНБ, Q.XVII. 56, л. 1; Сборник XVII в., ГИМ Уваровское собрание, № 1865, л. 180).

4. «[Сатурн] стоит над Русскою, над Новгородскою, Московскою и Литовскою странами» (Сборник нач. XVIII в., РНБ, Погодинское собр. № 1674, л. 77 об.—84).

Первые две выдержки взяты из статьи «О седми звездах великих, яже ся наричаются планеты, о силе их и о ходу и о домех их», входящей в состав Виленского и Холмского сборника XVI в. и являющейся переводом с польского: «Язык более польский, чем русский,— страшно искаженный. Оригинал, несомненно,— на польском языке» (15, с. 427). Третья выдержка, по-видимому, есть позднейшее сокращение первой; примечательно, что в тексте XVII в. упущено упоминание Москвы. Четвертая выдержка взята из произведения под названием «Книга глаголемая математика,

ново преложенная... в Москве в лето... 1664», в котором имеются «полонизмы с таблицами» (15, с. 143).

Следовательно, в XVI–XVII в. на Руси «ходили» астрологические сведения о том, что планета Сатурн («Крон») «управляет» субботой, территориями Руси, включая Новгород и Москву, и Великого княжества Литовского, а также двумя астрологическими домами — Козерога и Водолея, что Сатурн — основная планета Козерога, т.е. он «сотворен» в этом зодиакальном знаке, который является зимним (Солнце его проходит сейчас — по григорианскому календарю — с 22 декабря по 20 января) и обладает «качествами» сухого и студеного. О них см.: (16, с. 32–38). Таким образом, через указанные и им подобные сборники распространялась информация о том, что Сатурн и зодиакальный знак Козерога астрологически связаны с Русью, ею «управляют» (или ей покровительствуют).

Таким образом, были веские астрологические основания для закрепления данных о «добрых», а не «злых» Сатурне и Козероге, «управителях» Руси, т.к. в таком случае государству передавались их «положительные», а не «отрицательные» свойства. Но какое отношение имеет единорог к «добрым» Сатурну и Козерогу? Самое прямое, если на Руси символом Козерога был единорог. Однако из-за отсутствия единообразия в изображении единорога на Руси лишь его рисунок, как знака Козерога (наиболее ранний в «Изборнике Святослава» 1073 г.), без письменного подтверждения не мог служить решительным основанием для заключения, что этот зодиакальный знак ассоциировался с единорогом. Существует ли документальное свидетельство того, что на Руси в XVI в. было восприятие Козерога в образе единорога? Да, существует. На него мне любезно указала О.В.Белова, которая сообщила, что в древнерусской гадательно-астрологической книге «Рафли», изданной А.А.Туриловым и А.В.Чернецовым, в качестве синонима «Козерог» употребляется слово «Инорог», что по-древнерусски значит «единорог» (17, с. 280, 317). Текст «Рафлей» был составлен псковским ученым и писателем Иваном Рыковым во второй половине XVI в. и сохранился в позднейшем списке. Итак, встречающийся в древнерусских памятниках единорог, в том числе изображенный на корабельнике XV в., мог пониматься и в астрологическом смысле — как обозначение зодиакального Козерога (наряду с другими,— в зависимости от литературного или изобразительного контекста, в котором единорог встречался).

Хотя изображали единорога на русском корабельнике, очевидно, итальянцы, но заказчиком, следовательно, инициатором введения нового образа был великий князь Иван III. Как согласуется мысль об астрологическом смысле единорога на монете с отношением Ивана III к сокровенным знаниям? Известно его покровительствен-

ное отношение к представителям новгородско-московской ереси «жидовствующих», занимавшихся в том числе и астрологией (18, с. 370). Поэтому можно считать допустимым, что астрологическое понимание символа единорога было присуще Ивану III и повлияло на его выбор соответствующего рисунка для монеты.

Известны еще случаи изображения единорога на предметах государственной атрибутики времени Ивана III. Так, он встречается «на костяном троне Иоанна III» (19, с. 194, прим. 1). Недавно А.В.Чернецов изучил три ценных резанных из кости посоха, относящихся к последним десятилетиям XV в. Было установлено, что наиболее древний из них принадлежал митрополиту Геронтию, еще один, возможно, Ивану III. В частной беседе А.В.Чернецов допускал принадлежность третьего посоха его сыну Ивану Молодому. Посохи были значительной принадлежностью митрополичьего и великокняжеского парадного убора. Их открытие имеет важное историческое значение, усиливающееся тем, что они являются видными образцами русского средневекового ювелирного искусства резки по кости. Среди резных персонажей посоха Геронтия имеется и единорог, изображенный в рост, а на посохе предположительно Ивана Молодого — два погрудных изображения единорога в медальонах. На посохе, относимом Ивану III, единорога нет. Этот посох имеет утраты, поэтому нельзя исключать, что единорог был и на нем (20, с. 5–18, табл. 2, 9, 11).

Большой след оставило изображение единорога в памятниках, связанных с государственной властью XVI–XVII вв. На малой печати царя Ивана IV дается с одной стороны изображение единорога, а с другой — двуглавого орла (19, с. 193; 21, с. 119). Единорог представлен на большой государственной печати Ивана IV. Она двусторонняя, ее диаметр 11,5 см. На среднике каждой стороны — двуглавый орел со щитом на груди. На одной стороне печати на щите изображен всадник-змееборец, а на щите другой стороны — единорог (3, с. 165, 226–27; 21, с. 114, 115 (рис.19), 119; 22, с. 202). И.Г.Спасский обратил внимание, что на золотых монетах единорог занимает главную сторону: «С XVI в. ему принадлежит почетное место на грудном щитке герба Московского государства — двуглавого орла, которое он делит со второй московской эмблемой — всадником-змееборцем, причем главная сторона (с началом легенды) всегда с единорогом. Обращенный влево, как на корабельнике, единорог находится на золотых Федора Ивановича, а повернутый вправо — на всех золотых его преемников до Федора Алексеевича» (1, с. 118). Изображение единорога на обороте большой государственной печати встречается у Бориса Годунова, Лжедмитрия I, Михаила и Алексея Романовых (19, с. 285; 21, с. 119).

Единорог был частым гостем на предметах, окружавших царей в XVI–XVII вв. «Он встречается на державе Мономаховой, на

древних царских салдаках (саадаках? — Р.С.) и топорах, на тронах, седлах и проч.» (23, с. 164). Так, на саадаке (налучье и колчане) царя Михаила Федоровича, изготовленном в Оружейном приказе в 1627—1628 гг., вокруг чеканного двуглавого орла с финифтью находились изображения «одноглавого орла, держащего венец, единорога — со скипетром, льва — с мечем и грифа — с державою» (19, с. 194; 24, с. 69—70). Единорог «встречается также у нас в XVII в. на некоторых знаменах... в архитектурных украшениях царского теремного дворца в Кремле» (19, с. 194, прим. 1). В.Н.Татищев сообщал, что в 1730 г. на Монетном дворе при разборе серебра был найден серебряный ковш, взятый от архиепископа Ростовского, на котором находилась круговая надпись с титулом Лжедмитрия. На дне ковша «вместо обыкновенного орла единорог и кругом его была подпись, токмо стерлась, однако ж по оставшим буквам видно взятой стих из псалма: "Яко единорога святилище твое на земли"» (2, с. 370). Единорог с двуглавым орлом под двумя коронами находился на карабине, поднесенном окольничим В.И.Стрешневым царю Михаилу Федоровичу (25, с. 24). Изображение единорога имеется «на двух чрезвычайно редких золотых медалях, или жалованных гривнах, хранящихся в кабинете медалей Императорского Эрмитажного музея». Одна медаль относится ко времени Михаила Федоровича, а другая — Алексея Михайловича. Изображение на медалях того же типа, что и на большой государственной печати — у двуглавых орлов на нагрудном щите на одной стороне всадник, а на другой — единорог (23, с. 165).

С царских личных и государственных аксессуаров фигура единорога распространилась на печати правительственных учреждений и на предметы, принадлежавшие придворным и дворянам. Единорог имелся на печати Большого дворца и Московского Печатного двора (26, с. 182, табл. XIV, рис. 4, 9). Как предполагал В.С.Румянцев, единорог находился на печати Типографского приказа (27, с. 10). Ю.В.Арсеньев сообщал, что единорог был «на приказной печати Московского печатного двора» (19, с. 194, прим. 1). Фигура единорога имелась на палаше, принадлежавшем боярину Ивану Васильевичу Измайлову, оружничему в период Смутного времени, а также на колесном пистолете Василия Владимировича Брехова, который был дьяком в период правления Алексея Михайловича и упомянут в деле патриарха Никона. По мнению В.В.Арендта, расширение сферы использования образа единорога обусловлено «его превращением в "лестную к изображению" аристократическую эмблему» (25, с. 24—26).

С металлических и костяных предметов или параллельно с ними изображение единорога распространилось на росписи по дереву. «...Вещей от старого быта русского человека до нас дошло не так

много. А среди них предметов из дерева меньше всего... Живописью украшали дома и ворота, столы и сундуки, орудия труда, посуду и многое другое» (28, с. 7–8). Так, единорог есть на сундуке-подголовке, принадлежавшем богатому и знатному потомку новгородских бояр, переселенных во второй половине XV в. на Северную Двину. Сундучок был именным и датированным, о чем свидетельствует надпись «Подъголовок Никиты Саввиновича Нотанова» (28, с. 65–66). Идущая далее дата 11 мая 1688 г., по-видимому, указывает на время получения заказа или покупки расписанного сундучка, сделанного в районе Борка. Единорог, имевший довольно типичный для русской эмблематической традиции вид, представлен здесь в паре со львом. Тот же художник мог изготовить похожий подголовок на продажу, спрос на такие изделия был велик во всех социальных группах населения. Поэтому изображения единорога попадали в дома не только богатых людей, но и в избы простого народа. В процессе дублирования рисунок единорога упрощался, утрачивая черты сурового и свирепого животного. Так, на росписи лубяного короба XVII в., происходившего из района Великого Устюга, «единорог весело скачет, напоминая жеребеночка, выпущенного пастись на зеленую травку. Это сходство еще увеличивает его глуповато-удивленная мордочка, приподнятые для прыжка передние ноги, мягкая шоколадная окраска животного». Таким образом, аристократическая мода на единорога перекинулась и в народную среду, превратившись в один из модных сюжетов русской народной живописи по дереву, сохраняясь в росписях «вплоть до начала XX века» (28, с. 59–60). Другой путь имело появление единорога в качестве украшения книжных переплетов — в виде тиснений по коже и книжных застежек. Первым, кажется, В.С.Румянцев указал на переплет конца XVI в. с изображением единорога (27, с. 10–11). П.К.Симони пополнил эти наблюдения (39, с. 291, 303, табл. 32, рис. 46; табл. 34, рис. 50; табл. 58, рис. 86). В.В.Калугин на примере украшений тиснением книг московского Печатного двора пришел к выводу, что появление композиций с единорогом на переплетах, имевших несколько вариантов, «было вполне закономерно: средник подчеркивал общегосударственное значение деятельности московской типографии» (30, с. 22–23).

Если распространение эмблемы единорога среди придворных объяснялось аристократической модой, то появление сюжетов с единорогом на переплетах книг могло быть также связано и с осмыслением соответствующих литературных произведений, включая эзотерические, в том числе астрологические. В этой связи заслуживает внимания наблюдение, сделанное недавно Е.С.Кондрашкиной, которая определила в качестве астрологических некоторые тиснения (басмы) из числа опубликованных С.А.Клепиковым (31, с. 347, № 220, 221, 230, с. 409, № 25). Здесь в Группе А —

Украшения «Чудовских» переплетов (конец XV — первая половина XVI вв.). Встречается изображение двух бустрафедоном расположенных рыб: ромбовидные басмы № 220 и 221. Эта композиция идентична зодиакальному знаку Рыб. Под № 230 воспроизводится оттиск ромбовидной басмы с изображением кентавра, натягивающего лук. Это изображение тождественно зодиакальному знаку Стрельца. Аналогичный оттиск кентавра воспроизводится среди басм Группы В — Украшения переплетов Московского печатного двора и Троице-Сергиевой лавры (первая половина XVII века), № 25. Е.С.Кондрашкиной найден среди басм и рисунок скорпиона. Употреблять образ этого насекомого из эстетических побуждений, скорее всего, не могли. Поэтому можно предположить, что это также изображение зодиакального знака — Скорпиона. Идентифицировать ряд других тиснений астрологическим знаком затруднительно, т.к. они могли иметь какое-то другое значение. Однако полностью нельзя исключить их связь с зодиакальными знаками. Это изображение парных человеческих фигурок (возможно, Близнецы), овцы или барана (предположительно, Овен), коровы или быка (вероятно, Телец), льва (возможно, Лев), ракообразного (предположительно, Рак), женской фигуры (вероятно, Дева). Следует учитывать, что басмы старинных переплетов имеют разную сохранность, причем первоначальные образцы и сами печатки не всегда отличались изобразительной определенностью, поэтому суждение о том, что конкретно изображено — козел, баран или теленок — может быть неточным. Несмотря на отмеченную неопределенность, мысль Е.С.Кондрашкиной об астрологическом содержании ряда басм на книжных переплетах представляется перспективной для дальнейшего изучения. В этой связи образ единорога, встречающийся на книжных басмах, средниках и застежках, мог иметь в том числе и астрологическое значение Козерога.

Другого происхождения некоторые изображения на иконах. Так, на выполненной в 1542 г., очевидно, в Соловецком монастыре иконе «Богоматерь боголюбская с житиями Зосимы и Савватия» или «Боголюбская на Соловецком острове» в нижнем живописном поясе единорог имеет форму лошади, ступающей влево, с рогом, направленным на повисшего над пропастью человека. Сюжет является иллюстрацией «Повести о Варлааме и Иоасафе», в которой человек, убегая от «лютого инрога», упал в пропасть и повис над нею, уцепившись за дерево (32, рис. 1, 4; 33, с. 178, табл. 46, 49). Образ единорога, по-видимому, связан с древнерусской литературной традицией и не обусловлен аристократической модой на него, появившейся позже.

Почему в историографии не поднимался вопрос об астрологическом характере символа единорога? Это можно объяснить специфическим отношением к астрологии русских властей, что особенно

типично для правления Ивана Грозного, когда единорог набрал наибольшую силу как государственная эмблема. Специфичность отношения к астрологии раскрывается в творениях знаменитого духовного писателя и ученого Максима Грека (ок. 1475—1556), который, ссылаясь на правило византийского церковного писателя XIV в. Матфея Властариса, писал о «математических книгах» (т.е. классическом квадривии: арифметике, геометрии, музыке и астрономии) следующее: «Не книги эти правилом запрещено читать, а то, чтобы пользоваться ими превратно и веровать, что наши обстоятельства зависят от движения небесных тел» (34, с. 216; 35, с. 374—349). Судя по посланиям Максима Грека и др. источникам, русская церковь и светские власти могли терпимо относиться к людям, владевшим астрологией, до тех пор, пока они не начинали распространять астрологическую информацию среди окружающих. При царском дворе в XVI в. постоянно находились иностранные врачи-астрологи или ятроматематики (35, с. 349—352; 36, с. 223—230). Дипломированные врачи до начала XVIII в. изучали астрологию на медицинских факультетах западноевропейских университетов и руководствовались ею в своей деятельности. Но в чем она заключалась при царском дворе, не всегда понятно. Это касается даже Николая Булева, придворного врача Василия III. О том, чем он занимался как астролог, известно не так много (35, с. 351—352). Однако он был подвергнут яростному осуждению со стороны церкви за астрологическую пропаганду среди придворных. Непримиримую полемику по этому поводу с ним вел Максим Грек (37, с. 101—103).

Те или иные акции астрологического характера, очевидно, могли допускаться русскими властями при условии полного неведения окружающих об этом. Особенно после решений собора 1551 г. («Стоглава»), на котором категорически была запрещена астрология (17, с. 260—261). В свете указанной специфики отношений русских властей к астрологии следует подходить к происхождению единорога как государственного символа, который мог быть в своей основе астрологическим, информация о чем не распространялась, а как бы засекречивалась; из-за этого сведения об истинной природе символа и не попали в историографию.

Расцвела астрология во время правления Алексея Михайловича (38, с. 34—38), тем более что к 1667 г. каноническое значение решений «Стоглава» утратило силу (39, с. 426). Интерес к ней был многосторонним (40, с. 82—84). Царские покои украшались росписями астролого-астрономического содержания. В честь монарха и его детей слагались вирши на астрологические темы и, по-видимому, он одобрял обучение своих детей элементам астрологии, заказывал врачу-астрологу А.Энгельгардту прогноз в области государственной политики. К предмету настоящего обсуждения ближе

всего материалы по географической (геральдической) астрологии. Ей, например, служило создание в 1669 г. по царскому заказу живописцами С.Лопуцким и, возможно, Н.Мировским большой картины на полотне «Герб Московского государства и иных окрестных государств гербы, а под всяким гербом планиты, под которым каковы». Картина не сохранилась, но судя по ее названию, под гербами государств располагались символы планет, «управлявших» странами, или соответствующие знаки зодиака. Надо думать, что под Российским гербом находился символ Сатурна, знак или изображение Козерога. Факт монаршего благоволения к астрологической геральдике на русской почве не исчерпывался одной картиной, о чем свидетельствуют рукописные гербовники, отдельные из которых не являлись «чистыми» переводами западных, а были обширнее и подробнее, причем геральдические фигуры в них располагались в порядке русского алфавита (41, с. 81). Какого рода интересы в области астрологической геральдики были у царя и придворных, свидетельствуют пометы, сделанные в календаре, переведенном для Алексея Михайловича в 1660 г. Пометы отражают политические мотивы чтения календаря кем-то из членов царской семьи или ближайших придворных. Например, замечания обусловливались недостаточно конкретной информацией об «управлении» зодиакальными знаками, не позволявшей узнать, о каком государстве шла речь, а именно этого хотелось читателю календаря: «Которые под тем знаменем (знаком Водолея.— Р.С.) государства есть, а не ведомо которому» (42, с. 283—285). Из этого следует, что идея о том, что определенной географической территории, государству соответствовал свой знак зодиака, была не только известна при царском дворе, но направлялась политическими интересами к дополнительной информации о государствах по свойствам их знаков зодиака.

От более раннего времени XV—XVI вв. не известны русские письменные данные по астрологической геральдике. Но это не значит, что в то время не могли существовать соответствующие знания, которые стимулировались представлением о том, что единорог астрологически покровительствует Руси, сообщая ей свои свойства. Если единорог как русская государственная эмблема в XV—XVI вв. обусловлен астрологией, то и прекращение этой традиции к XVIII в. также должно быть связано с каким-то обстоятельством из этой же области. Интерес при Петре I к астрологии при дворе и в обществе был не ниже, чем при Алексее Михайловиче. Повелением Петра и «под надзрением» его просвещенного вельможи Я.В.Брюса был составлен и издан В.А.Киприановым «неисходимый» (т.е. вечный) астрологический календарь для широких слоев, получивший впоследствие название «Брюсова календаря» и ставший наиболее тиражируемым изданием (43, с. 50—56). В то же время изображение единорога почти исчезло из государственной

символики, что отмечается в историографии. «При царе Алексее Михайловиче, при геральдизации государственного герба, решительное предпочтение дано было изображению всадника, и с этих пор эмблема единорога исчезает отсюда окончательно» (19, с. 285). «При последнем (царе Федоре Алексеевиче.— Р.С.) единорог угасает в московской геральдике» (1, с. 118).

Исчезновение единорога из государственной геральдики могло быть обусловлено сменой изображения зодиакального знака Козерога. В царствование Алексея Михайловича единорог (ин(о)рог) как символ Козерога стал вытесняться фигурами, пришедшими из Западной Европы: 1) козла с большими рогами: «В геральдике козел отождествляется с козерогом» (19, с. 176); 2) своеобразным гибридом козла с русалкой, представлявшим собой в верхней части козла с одной парой ног, а в нижней — русалочий (рыбий) хвост. Такое изображение Козерога в настоящее время является фактически общераспространенным. О.А.Белоброва, которая изучала русскую иконографическую традицию знаков зодиака в XVII в., сделала интересное наблюдение. Польский оригинал переводного произведения из области геральдической астрологии «Знаки царств и мест и украин, которыя под которым знамением небесным двенадесяти зодей лежат» не содержал рисунков. Из четырех русских списков статьи «Знаки царств» три — иллюстрированные. «Стало быть,— заключает О.А.Белоброва,— миниатюры в переводе — особенность, возникшая на русской почве» (44, с. 316—317). Судя по публикации О.А.Белобровой этих иллюстраций, знак Козерога в них представлен козлом (44, с. 318, 320).

Козел — Козерог также приводится в подносном списке «Орла Российского» Симеона Полоцкого 1667 г., причем дважды: в зодиакальном круге и при стихотворной характеристике зодиакальных знаков. Художественная манера их исполнения разная: «В общем круге статичные изображения связаны с византинирующей струей, а единичные принадлежат стилю барокко с характерными для него динамичностью, асимметрией, например, ... Козерог (изображен.— Р.С.) — выставив рога» (44, с. 317). О.А.Белоброва не отмечает, что в последнем случае Козерог дан в виде не четырехногого козла, как в круге, а двуногого с рыбьим хвостом (45, с. 60).

Таким образом, к 1667 г. в России сложился новый вариант зодиакального знака Козерога в виде козла, уже получила распространение и его современная модификация — с рыбьим хвостом, которая, по-видимому, является результатом влияния стиля барокко. Причем последнее изображение понималось также как козлиное, о чем говорят относящиеся к гибридному козлу вирши Симеона Полоцкого: «Дивый се есть звер Козерог реченный, в темных пустинях горам приученный. Козлу зраком си рогми подобиться, в пути с(о)лн(и)чна зодиа числиться» (45, с. 60). Казалось бы, и в

государственной символике единорога должен был сменить козел, но этого не произошло.

О.А.Белоброва издала по трем русским спискам конца XVII в. геральдическое произведение «Потентаты, или гербы, многих столиц», которое «скорее всего было выполнено переводчиком (или переводчиками) Посольского приказа в Москве для практических нужд этого приказа в связи с необходимостью разбираться в печатях и гербах иностранных государств» (41, с. 82–83). «Патентаты» появились, когда в России в качестве зодиакального знака Козерога утвердилось новое изображение — козла. Однако им в русской государственной эмблематике «Патентатов» и «не пахнет». «Что касается России, то ей уделено незначительное место ("Врата растворенные — Россия", "Орел чорный, на шее венец — Московская земля"); из городов фигурирует одна Москва: "Орел чорный двоякой з двемя венцами, на грудях белой рыцерь на коне, в руке копие, под копием змия в красном поле — город Москва"; "Рыцерь в латах белых, в руках копие, под конем змея в красном поле — Москва". Приведено описание герба-печати: "Орел, на груди рыцерь — великий князь Московский", и вовсе неожиданная эмблема — "Волк-москвитин" (эта строка читается только в одном из трех списков текста)» (41, с. 82).

Очевидно, козла не пустили в государственную эмблематику из-за эстетических пристрастий. Он никак не подходил под образ могущества, воинской славы и доблести, как например, единорог или лев (27, с. 10). В историографии нет определенного взгляда на вспышку интереса к единорогу как русскому государственному символу в XV–XVII вв. и на его угасание к XVIII в. Говорится, что единорог — символ Христа (3, с. 165; 5, с. 15; 30, с. 22), выражение темы силы в Псалтыри (3, с. 165; 30, с. 24–25; 46, с. 205), символ счастья и удачи (24, с. 70), освященный авторитетом Библии образ (1, с. 115), эмблема чистоты и непорочности (19, с. 193; 23, с. 164) и др. Понимание единорога в качестве символа Иисуса Христа может быть обусловлено астрологией (в связи с подпаданием календарного Рождества под знак Козерога) при условии отождествления образа единорога с Козерогом, что было типично для Руси в период XII–XVI вв. Остальные причины являются «вечными», фактически сохранявшими смысл до сих пор, поэтому они не объясняют, почему интерес к единорогу как государственному символу упал к XVII в. Астрологический подход позволяет объяснить, почему единорог существовал как русский государственный символ в XV–XVII вв. и перестал использоваться в XVIII в.

Природа и значение других символических композиций с единорогом не поддается полному объяснению. Примером может служить парное изображение льва и единорога. По мнению В.С.Румянцева, оно соперничало с двуглавым орлом: «Лев и единорог в XVI и

XVII веках были нередко употребляемы в виде собственно царского герба и по временам заменяли собою даже государственный герб — двуглавого орла» (27, с. 10). В.В.Калугин недавно воспроизвел это мнение, не оспорив его (30, с. 24). Имеется два варианта «официальной» парной композиции стоящих на задних лапах с поднятыми передними ногами и смотрящих друг на друга льва и единорога: 1) вступающих в контакт, что выражается во вдвигании (вкладывании) рога единорога в рот льву; 2) не вступающих в контакт, что обеспечивается, как правило, наличием третьего изобразительного элемента, разграничивающего животных. Первый вариант появляется в XVI в., известен на переплетах книг и печати Московского Печатного двора. В.С.Румянцев воспроизвел и описал изображение с переплета печатного «Октоиха» (М., 1594) (27, с. 10—11; 30, с. 24—29). П.К.Симони привел аналогичный средник с переплетов рукописных книг XVII в.— «Сонника» и «Степенной» (29, табл. 32, рис. 46 и табл. 34, рис. 50). А.Лакиер описал и воспроизвел сюжет со львом и единорогом первого типа на печати московского Печатного двора (26, с. 182, табл. XIV, рис. 9). В указанных рисунках льва и единорога венчает трехлепестковая корона. Сюжет был заимствован позже старообрядцами. П.К.Симони рассказывал о таком изображении, сделанном «с медной плитки 1812 г.», где «лев и единорог типом похожи» на описанные им тиснения XVII в. Вокруг пары животных шла надпись «Избави мя от уст львовых и рог единорож смирение мое», которую П.К.Симони определил в качестве изречения из Псалтыри, псалом 22 (29, с. 303, табл. 58, рис. 86). Он не отметил, что корона над головами животных в этом случае трансформировалась в нечто, похожее на глаз с ресницами сверху. В.В.Калугин установил, что лев и единорог были сюжетом не только переплетных средников, но встречались на бордюрных басмах, в составе многофигурных композиций, на книжных застежках и пр. (30, с. 25).

Второй тип парного сюжета известен, например, по печатям времени царя Михаила Федоровича. Разделяющий животных изобразительный элемент здесь представлен в виде ветвящейся вертикальной виньетки, короны нет. Одна печать, принадлежавшая писцу (межевщику) Федору Андреевичу Скрибину, находилась под выписью 1631 г. с Владимирских писцовых книг. Другая печать, принадлежавшая Петру Строгонову, имелась на обороте одной отписки. В ней сверху над животными дано изображение, похожее на птицу (47, с. 20, 33, табл. 12, рис. 109, табл. 19, рис. 319). На царских седлах XVII в. встречается чеканное изображение льва и единорога, между которыми находится двуглавый орел (19, с. 194, прим. 1; 24, с. 118—119). В.В.Игошев любезно сообщил мне о втором типе рисунка на корпусе кандила 2-й пол. XVII в. из собора Сольвычегодска (животные здесь разделены растительным орна-

ментом), а также о хранящейся в Оружейной палате серебряной братине 1618 г. с рисунком льва и единорога, разделенных картушем. По его мнению, это наиболее ранний датированный случай парного изображения второго типа. К этому же типу принадлежат лепные фигуры льва и единорога на фронтоне здания Московской синодальной типографии, построенного в 1645 г. по повелению Михаила Федоровича (теперь здесь находится Историко-архивный институт РГГУ). Фигуры «льва и единорога, помещенные в виде герба» разделяет поддерживаемая ими надпись на камне, сообщающая о том, когда и по чьему повелению были сделаны «сии полаты и ворота на Дворе книг печатного тиснения» (27, с. 9–10). А.Лакиер ошибочно считал, что первый тип изображения льва и единорога на печати Московского Печатного двора (рог во рту льва) взят «с рисунка, бывшего над входом в старый печатный двор» (26, с. 182). Первый тип известен не позже конца XVI в., а лепка на несуществующем теперь здании Печатного двора точно была датирована 1645 г., поэтому не могла послужить образцом для изображения, возникшего раньше. Кроме того, сюжеты различны: вариант на печати относится к первому типу, а рисунок на здании 1645 г.— ко второму.

В.С.Румянцев отмечал, что значение эмблемы льва и единорога непонятно и относил ее появление к царствованию Ивана Грозного, поскольку она встречается «на его серебряном блюде и на знамени Ермака» (27, с. 11, 31, прим. 56). Подойти к пониманию этой эмблемы можно с учетом значения другого парного сюжета — единорога, поражающего дракона,— встречающегося реже льва с единорогом, но о смысле которого существует определенное мнение в историографии. Впервые, по-видимому, Ф.Жиль описал и опубликовал соответствующий рисунок, находящийся на лезвии бердыша, которое было украшено «гравировкою и изображением влево идущего единорога (на воспроизведенном рисунке единорог идет вправо — Р.С.), поражающего дракона... Присутствие на бердыше единорога, поражающего дракона (татарская эмблема герба казанского), дает этому оружию особое историческое значение» (23, с. 164, 166, 179, рис. XXIV.2). В.В.Арендту были известны и другие бердыши с этой эмблемой, один из них снабжен надписью: «Еренск(ого) (пос)адского человека Ивана Тимофеева сына Оболтин(ова)» и датирован 1614 годом. По его мнению, «борьба единорога с змеем (драконом), возможно, явилась аллегорией завоевания Грозным Казани» (25, с. 23–24). Действительно, коронованный дракон был гербом Казанского царства, очевидно, полученным Казанью от русского правительства (26, с. 159–160; 48, с. 213). Другие объяснения борьбы единорога с драконом — не как аллегории завоевания Казани Иваном Грозным — как будто бы отсутствуют.

По аналогии можно предположить, что парные изображения льва и единорога также отражают в аллегорической форме противостояние между Москвой или Русью (единорогом) и какой-то землей, гербом которой был лев. В «Патентатах, или гербах, многих столиц» по русским спискам конца XVII в. «Лев великой» олицетворяет Азию (41, с. 95). Поэтому парный вариант (второй) не вступающих в контакт животных может выражать актуальное для России многовековое противостояние кочевникам, приходящим из Азии. Но такое объяснение не согласуется с вариантом (первым) контактирующих животных, находящихся под общей короной. Значит, в этом случае льва надо искать среди гербов земель, бывших под общим с Москвой государственным управлением. Такой землей является Владимирское княжество, имевшее гербом льва на протяжении более семи веков (49, с. 55). Подтверждает такое понимание символа льва его расположение левее единорога. В геральдике считается более почетной, стоящей впереди левая фигура герба (правая с позиции его носителя) (19, с. 115, 141). Первенство Владимирского княжества перед Московским было закреплено в титулатуре русских царей XVI—XVII вв.: «Владимир считался стольным городом наравне с Москвой. В титулах московских царей, до Михаила Федоровича включительно, прилагательное "Владимирский" стоит впереди прилагательного "Московский"» (49, с. 55). В лепном изображении на здании московского Печатного двора представлен редкий случай, когда лев занимает правую сторону, но при этом его первенство выражалось тем, что на нем была надета царская шапка (27, с. 9—10). Изменение порядка первых княжеств в царском титуле (Московское на первом, Киевское на втором, Владимирское на третьем) произошло при Алексее Михайловиче к 1667 г. и зафиксировано на большой государственной печати (26, с. 250). Понимание льва в качестве Владимирского, а единорога — Московского княжеств поясняет причину отождествления в историографии этого парного изображения в качестве государственного герба, соперничавшего с двуглавым орлом: такая эмблема соответствовала началу титула первых русских царей: «Государь всея Руси — Владимирской, Московской...» (47, с. 10, табл. 7, рис. 106). Вместе лев и единорог могли олицетворять главные русские княжества, вокруг которых группировались остальные земли государства.

К 1667 г. после перестановки в царском титуле порядка княжеств парное изображение льва и единорога, видимо, окончательно утратило былое значение, став «символом книги, книжного дела и просвещения в России» (30, с. 24). Такая метаморфоза подтверждается тем, что парное изображение этих животных представлено на переплетах книг, став своеобразным гербом Московского Печатного двора. Предположение В.С.Румянцева о том, что эмблема

льва и единорога в этом учреждении появилась уже при Иване IV, и мнение В.В.Калугина, что она, «очевидно, с эпохи Ивана Грозного также являлась гербом Печатного двора» (27, с. II; 30, с. 24), никакими письменными источниками не подтверждается.

Толкование льва и единорога как обозначавших Владимир и Москву и олицетворявших собою единое государство — Русь, наталкивается на существующую в историографии оценку этой пары, осененной короной, как борющихся: «Лев и единорог обыкновенно изображались в положении борющихся; рог единорога воткнут в львиную пасть» (27, с. 10—11); «в их взаимной борьбе» (29, с. 291); «борющиеся под короной лев и единорог» (30, с. 24). В действительности, борьбой изображение этого противостояния льва и единорога можно назвать с большой натяжкой. Фигуры животных статичны, рог не пронзает льва насквозь, какие-либо раны на телах животных не заметны, отсутствует хищный оскал у льва или истечение крови у него изо рта, животные соприкасаются передними ногами «вяло», нет в них динамики или агрессии. По-видимому, не случайно первый публикатор этого сюжета А.Лакиер описал льва и единорога так: «Оба стоят на задних лапах друг к другу лицом и под короною», не отмечая борьбы между ними (26, с. 182).

Рисунок в народных росписях по дереву XVII в., предположительно восходящий к первому типу изображения льва и единорога, ставшему «фирменным знаком Московского Печатного двора», воспринимается современными исследователями и в качестве соединившихся животных «как в дружеском объятии» (28, с. 60, 64). Мирный настрой соединенных рогом животных особенно заметен при сравнении с эмалевым сюжетом на царском седле XVII в., на который мне указал В.В.Игошев. Здесь животные явно приготовились к схватке, у льва оскалена пасть с высунутым языком, рог единорога нацелен в грудь льву. Еще мгновение, и начнется кровавая битва (24, с. 120—121). Сцену застывших животных с рогом единорога во рту у льва никак нельзя представить ее финалом.

Аналогичный деревянной росписи «игровой» облик имеют лев и единорог на медной литой чернильнице кон. XVII — нач. XVIII вв., произведенной в Москве в Котельной слободе. Лев изображен слева, единорог — справа (рог направлен вперед), животные не соприкасаются, можно посчитать, что они забавляются, как щенки, в них не видно агрессии. Об их мирном настрое говорит также то, что лев смотрит не на единорога, которого должен был бы в противном случае опасаться, а на зрителя, повернув голову анфас (50, с. 8, илл. 57).

Трактовкой изображения с вложением рога единорога в рот льва может быть символический половой акт. Это согласуется с наблюдением О.В.Беловой о толковании единорога в эротическом значе-

нии, попавшем в «Физиолог», вероятно, через позднеантичное или раннехристианское посредство (51). Об этом могли знать придворные врачи-астрологи, а от них — царь Иван IV, который принимал личное участие в выборе сюжетов изобразительного искусства (33, с. 5 и сл.; 48, с. 210, 212). В одном из сборников первой четверти XV в., в статье «Правила святых отець», вероятно, составленной известным духовным деятелем Кириллом Белозерским (1337—1427) (52, с. 478—479), среди подлежащих церковному запрету сексуальных способов, позиций и извращений оральный вариант, как будто, не рассматривается (53, с. 376—378). Половой акт мог пониматься в нескольких аспектах: возвышенном, в духе эротического гедонизма; нейтральном — медико-биологическом; приниженном, постыдном, как нечто скверное, связанное с библейским и христианским пониманием изначальной женской нечистоты, греховности, служащей источником и рассадником похоти и разврата. На Руси в народной среде в связи с осуждающим отношением церкви к женщине распространилось третье из указанных пониманий, что отразилось, в частности, в феномене матерной фразеологии как непристойной. Примеры на начало XVII в. см. (54, с. 177, 193, 275, 289). Матерное описание орального обладания истолковывается в лингвистике как «выражение пренебрежения» (55, с. 11). Подобный смысл оно имело, надо думать, и при Иване IV. Подтекст рассматриваемого изображения, состоящий в сексуальном обладании единорогом льва в изощренной форме, как к нему ни относиться в эстетическом плане, мог отражать определенный политический взгляд на отношения между Москвой и Владимиром. Царя могла задевать, раздражать ситуация, при которой его столица Москва по официальной традиции шла на втором месте после Владимира. Свое пренебрежение в адрес Владимира он мог выразить в грубо-саркастической «матерной» форме через двусмысленную эмблему. На решение царя использовать аллегорию орального полового акта могли повлиять:

1. Его подверженность дурным поступкам: «Он был восприимчивее к дурным, чем к добрым впечатлениям» (56, с. 179). Трактовка сцены входящих в оральный контакт животных в указанном эротическом смысле отвечала гиперсексуальным наклонностям монарха. Известно, что имея последовательно семь жен, он проявлял сексуальные домогательства ко многим другим женщинам. По свидетельству англичанина Джерома Горсея, ближе к концу жизни «у царя начали страшно распухать половые органы — признак того, что он грешил беспрерывно в течение пятидесяти лет (неточно, царь прожил ок. 53,5 года.— Р.С.); он сам хвастал тем, что растлил тысячу дев» (57, с. 112).

2. Его склонность к грубым выходкам и брани: «Источники неоднократно говорят о том, что Грозный деятельно ругался» (58,

с. 29). В его послании кн. А.М.Курбскому «площадные ругательства перемешаны с дикими уродливыми софизмами» (59, с. 17). С.О.Шмидт, ссылаясь на «Пискаревский летописец», сообщал, что Иван IV с юношеских лет участвовал в пирах, где обычным было «всякие срамные слова глаголати», и заключал, что «характерные черты Грозного-писателя наглядно проявились в бранно-презрительной лексике... Грозный не знал удержу в гневе и не стеснялся в выражениях» (60, с. 261). Целью ругани было желание унизить. Иван IV не упускал случая посмеяться над третируемым человеком. Он «имел склонность дразнить и передразнивать, издеваться и насмехаться... Высмеять означало для Грозного уничтожить противника духовно». Вместе с тем, Иван IV обладал способностью к художественному перевоплощению, к умению менять стиль изложения. «Ничего даже отдаленно похожего мы не находим во всей древней русской литературе. Древняя русская литература не знает стилизации» (58, с. 33, 34).

Если входящих в оральный контакт льва и единорога рассматривать в качестве стилизации с грубым подтекстом, то она была вполне в духе Ивана IV, способного ею замаскировать свою «матерную» насмешку над подчиненным Владимиром, сохранявшим однако первое место в официальном государственном титуле, что, очевидно, задевало самолюбие царя. Сокровенность эротического смысла парной эмблемы, возможно, усугублялась засекреченностью астрологического происхождения символа единорога как государственного знака — тотема.

О том, что сокровенно-эротический смысл соединенных через рот рогом единорога животных оставался народу неведомым, свидетельствуют росписи по дереву. Здесь рог нередко как бы вынут изо рта льва и приставлен к его лбу или подбородку (28, с. 61, 65) и пр. По мнению О.Р.Хромова, высказанному в частной беседе, это сделано не специально, а обусловлено техникой выполнения росписей. Техникой их копирования он также объясняет встречающееся изменение сторон расположения животных, при котором лев оказывался справа, а единорог — слева. Во всяком случае, нельзя исключать, что если бы народным художникам был понятен тайный смысл «рогового» соединения животных, они стремились бы при копировании росписей попасть рогом куда надо, т.е. в рот льву. Если принять, что лев, встречающийся в паре с единорогом, олицетворял кочевников или, что более вероятно,— Владимирское княжество, то этим можно объяснить, почему на корабельнике XV в. Ивана III появились единороги. Если бы на русском золотом сохранились львы английского оригинала, то это как бы удостоверяло зависимость Москвы от Орды, в первом случае, или от Владимира, во втором. Отчеканив на монете единорогов, Иван III подчеркнул суверенность Руси и Москвы, их защищенность единорогом (Ко-

зерогом) как своеобразным тотемом. Такое объяснение не исключает других толкований акта введения единорогов на представительную монету Ивана III. Однако противостояние льва и единорога в XV в. как будто бы подтверждается и другими фактами. Так, уже упоминалось, что на посохе, приписываемом Ивану Молодому, дважды дано в медальоне погрудное изображение единорога. В тех же резных рядах посоха с противоположной стороны воспроизводится погрудно в аналогичном медальоне одно и то же животное. По мнению тщательно изучавшего посох А.В.Чернецова, высказанному в частной беседе, этим животным является лев. Если это так, то указанный посох XV в. можно рассматривать как один из первых примеров композиционно связанного изображения льва и единорога.

При Иване IV мотив соединения льва и единорога стал претендовать на роль государственного герба. Одним из вариантов — с вкладыванием единорогом рога в рот льву — Иван IV мог в аллегорической форме с грубо-издевательским подтекстом орального секса выразить свое неудовольствие сохранением в его титуле первого места за Владимиром, фактически подчиненным Москве. Такой «карнавальный» герб находился бы в одном ряду с другими нововведениями царя зловеще-карнавального характера, такими как опричнина и возведение на Московский трон вместо себя Симеона Бекбулатовича, с временностью, эфемерностью как общей для них особенностью.

Что могло натолкнуть Ивана IV на образ сексуально соединенных животных? Фактически тот же политический смысл содержался в древнерусских фольклорных представлениях, восходящих к античности и, возможно, известных царю, в которых город ассоциировался с женщиной, а физическое овладение ею, женитьба на ней — с воцарением, завоеванием города (61, с. 190–199). Поэтому изобразительная аллегория, выражающая сексуальное овладение Львом — Владимиром или Львом — азиатами (кочевниками) могла отвечать стремлению к их подчинению. Она чем-то напоминает другую аллегорию, лежащую в основе колдовского ритуала имитативной магии, когда для нанесения вреда некоему субъекту делалась его кукла, которая протыкалась булавками и пр. Эта аналогия подчеркивает сокровенность, тайность смысла соединенных рогом животных в эмблеме.

Иван IV, имея склонность к магии, с 1570 г. держал придворного мага и астролога Елисея Бомелия (40, с. 78–79). Нельзя исключить, что появление этой эмблемы могло быть магическим актом, направленным на укрепление царской власти в определенных частях Русского государства (во Владимире или вновь присоединяемых восточных территориях).

Имеется еще один необычный аспект отношения к единорогу в средневекой России — медицинский. Врачебная астрология входила в комплекс знаний так называемой герметической медицины, в составе которой также были алхимия и другие сокровенные представления, в том числе сведения о чудесных свойствах минералов и веществ животного происхождения. Так, считался медицинским средством многопланового характера рог мифического единорога. Несмотря на сказочность животного, его «рога» существовали натурально по причине того, что за них принимали бивни нарвала, арктического китообразного семейства дельфиновых. Бивень имел форму прямого, сходящегося на конус стержня, доходящего до трех метров длины, с продольными закругленными желобками, придающими ему «витой» облик. Кроме лечебных, его наделяли и другими чудесными свойствами. Например, считалось, что он парализует насекомых, притягивает хлебные крошки, отталкивает мелкие металлические предметы. Из бивней нарвала делали дорогие посохи, жезлы и скипетры. Бивни стоили очень дорого, приобретали их крупные вельможи и хранили в государственных сокровищницах, наряду с золотом и драгоценными камнями. Бивни нарвала и их части под видом «рогов единорога» находились и у русских государей. О чудесных свойствах рога единорога писал в XV в. Ивану III крымский хан Менгли-Гирей, пославший при этом великому князю «в дар перстень из единорога» (23, с. 165),

По словам Джерома Горсея, присутствовавшего на демонстрации опыта, проделанного Иваном Грозным ок. 1584 г., царь приказал очертить круг своим посохом, сделанным из такого рога, и пустить туда пауков, одни из которых убегали, а другие погибали. Употребляли инрог в медицинских целях внутрь маленькими кусочками с перцовое зернышко. Главное назначение — предохранение от ядов. Есть сведения, что как будто бы Лжедмитрий I систематически во время еды принимал инрог. Инрог имелся в «походной» аптечке царя Алексея Михайловича среди кровеостанавливающих средств, судя по описи 1673 г.

Таким образом, мифический единорог в XVI—XVII вв. для русских властителей был реальным животным, в волшебных свойствах которого они не сомневались и употребляли его в качестве лекарства (хотя в действительности это был бивень нарвала). Изображение единорога им было ближе, чем современному человеку, т.к. они верили в реальность и полезность этого животного, пусть мнимую, как мы теперь понимаем.

В 1655 г. О.Вормиус по черепу нарвала из Исландии правильно отнес животное к семейству дельфиновых, само название «нарвал» было дано К.Линнеем почти через столетие, в 1758 г. Царские врачи-астрологи во 2-й пол. XVII в. также приблизились к пониманию истинной природы рогов инрога как бивней нарвала и подо-

шли к осознанию их малой лечебной ценности. В России два года спустя после открытия О.Вормиуса лейб-медиками в связи с представлением для покупки русской казной рогов инрога проводились опыты на голубях, чтобы выяснить, могут ли представленные бивни служить противоядием от мышьяка. Врач и известный астролог А.Энгельгардт в своей записке критиковал распространенное мнение о принадлежности бивней, называемых рогами инрога, библейскому единорогу. Врач мыслил в передовых представлениях своего времени, считая, что бивни принадлежат не мифическому единорогу, а «водяному зверю», угадывая в нем нарвала, которого наблюдают с кораблей, а находят «те их роги по времени с частью головной кости» на побережье северных морей. Однако А.Энгельгардт еще считал, что кость инрога (нарвала) обладала универсальными лечебными свойствами. В 1669 г. новое «поколение» царских врачей «кость морскова зверя» уже рассматривала как медицински бесполезную (62, с. 125—132).

Любопытно, что по времени угасание интереса к единорогу как русскому государственному символу совпадает с утратой бивнем нарвала, принимаемого за рог мифического единорога, ореола универсального медицинского средства. Если учесть, что астрологическое понимание единорога как «управителя» Руси и лечебное использование его рога (в действительности — бивня нарвала) затухало при Алексее Михайловиче под влиянием одних и тех же людей (врачей-астрологов), то такое совпадение не будет совсем неожиданным.

Итак, не позже 50—70-гг. XV в. на Руси получила распространение инициативная или часовая астрология, по которой в быту регулировалась деятельность людей (хотя трудно сказать, насколько широко). Отличительной особенностью было в ней свойство Сатурна как планеты, несущей добро (в западной традиции, восходящей к Птоломею, Сатурн нес зло). На государственном уровне при Иване III, покровительствовавшем сокровенным учениям, эти астрологические знания могли быть увязаны с интересами политического характера, отражавшими представления об «управлении» территорией Руси, включая Москву и Новгород, зодиакальным знаком Козерога и планетой Сатурн. При условии древнерусского отождествления Козерога с образом единорога и понимания Сатурна как планеты, несущей добро, символ единорога становился добрым тотемом государства, передающим ему свои положительные качества: могущество, воинскую славу и доблесть, чистоту и непорочность, освященность авторитетом Библии и Иисуса Христа. В XVI в. такое отношение к символу единорога усилилось, о чем говорит наличие документальных свидетельств этого столетия об отождествлении единорога («инорога») с зодиакальным Козерогом и осознании того, что знак Козерога и его главная планета Сатурн являются

космическими управителями Руси и Москвы. Действительно, единорог при Иване IV становится его личной эмблемой, соперничающей с двуглавым орлом в качестве общегосударственного символа (1, с. 118; 2, с. 370; 27, с. 10). В качестве одной из основных государственных эмблем он впоследствии использовался при Федоре Ивановиче, Борисе Годунове, обоих Лжедмитриях, Михаиле и Алексее Романовых. При Алексее Михайловиче усилились контакты России с Западом, небывалого расцвета достигла астрология. Некоторые составляющие коренных астрологических воззрений были вытеснены общеевропейскими. Так, на смену древнерусской эмблеме Козерога в образе единорога пришел козел. С воцарением козла в качестве зодиакального знака Козерога стало закатываться величие единорога в качестве государственного символа уже в правление Алексея Михайловича, а при Федоре Алексеевиче этот процесс завершился. Такова астрологическая судьба единорога как популярной государственной эмблемы XV—XVII вв.

ПРИМЕЧАНИЯ

Библиографический список

1 Спасский И.Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Л.: Наука, 1976. Вып. 8.

2 Татищев В.Н. История Российская. М.—Л., 1962. Т. 1.

3 Соболева Н.А. Российская городская и областная геральдика XVIII—XIX вв. М., Наука, 1981.

4 Воронин Н.Н., Лазарев В.Н. Искусство среднерусских княжеств XIII—XIV веков // История русского искусства. М.: Изд-во АН СССР, 1955. Т. 3.

5 Белова О.В. Единорог в народных представлениях и книжной традиции славян // Живая старина, 1994, № 4.

6 Гиршберг В.Б. Человек в знаках зодиака Изборника 1073 г. // Изборник Святослава 1073 г.: Сборник статей. М.: Наука, 1977.

7 Святский Д.О. Астрономическая книга «Шестокрыл» на Руси XV в. // Мироведение, 1927. Т. 16.

8 Кузаков В.К. О восприятии в XV в. на Руси астрономического трактата «Шестокрыл» // Историко-астрономические исследования. М.: Наука, 1975. Вып. 12.

9 Тихонравов Н. Памятники отреченной русской литературы. М., 1863. Т. 2.

10 Коган М.Д., Понырко Н.В., Рождественская Н.В. Описание сборников XV в. книгописца Ефросина // Труды Отдела древнерусской литературы Института русской литературы РАН (ТОДРЛ). Л.: Наука, 1980. Т. 35.

11 Гольдберг А.Л., Дмитриева Р.П. Филофей // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вторая половина XIV — XVI в., часть 2. Л.: Наука, 1989.

12 Голоскевич К. Астрология в России в XV — XVI вв. и послание старца Псковского Елеазарова монастыря Филофея «На звездочетцы и на латыны». Остров, 1897.
13 Симонов Р.А. Объяснение оригинальной трактовки «качеств» хронократоров в древнерусском астрологическом тексте XV в. // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1993. Сб. 3.
14 Левин М.Б. Лекции по астрологии. Начальный курс. Часть 3. М., 1992.
15 Соболевский А.И. Переводная литература Московской Руси XIV—XVII вв. СПб., 1903.
16 Симонов Р.А. Астрологические «качества» в интерьере покоев царя Алексея Михайловича Романова // Российская астрология, 1994, № 4.
17 Турилов А.А., Чернецов А.В. Отреченная книга Рафли // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1985. Т. 40.
18 Лурье Я. С. Иван III Васильевич // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Часть 1. Л.: Наука, 1988.
19 Арсеньев Ю.В. Геральдика. Лекции, читанные в Московском археологическом институте в 1907/8 году. М., 1908.
20 Чернецов А.В. Резные посохи XV в. (работа кремлевских мастеров). М.: Наука, 1987.
21 Каменцева Е.И., Устюгов Н.В. Русская сфрагистика и геральдика. М.: Высш. школа, 1963.
22 Линд Дж. Большая государственная печать Ивана IV и использование в ней некоторых геральдических символов времен Ливонской войны // Русский исторический архив. М., 1994, № 5.
23 [Жиль Ф.] Царскосельский музей с собранием оружия, принадлежащего государю императору. СПб., 1860.
24 Русские эмали XI—XIX вв. М.: Искусство, 1974.
25 Арендт В. В. Палаш боярина Измайлова // Труды секции археологии /Институт археологии и искусствознания РАНИОН. М., 1928. Т. 4.
26 Лакиер А. Русская геральдика // Записки Имп. археологического общества. СПб., 1854. Т. 7.
27 Румянцев В. Древние здания Московского печатного двора. М., 1869.
28 Жегалова С.К. Русская народная живопись. М.: Просвещение, 1975.
29 Симони П.К. Опыт сборника сведений по истории и технике книгопереплетного художества на Руси, преимущественно в допетровское время, с XI по XVIII столетие включительно. Тексты -материалы-снимки. СПб., 1903.
30 Калугин В.В. Символика сюжетного средника (По материалам изданий XVI—XVII вв. Московского Печатного двора) // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1989. Сборник 2.
31 Клепиков С.А. Орнаментальные украшения переплетов конца XV — первой половины XVII вв. в рукописях библиотеки Троице-Сергиева монастыря // Записки Отдела рукописей ГБЛ. М., 1960. Вып. 22.
32 Маясова Н. Памятник с Соловецких островов. Икона «Богоматерь боголюбская с житиями Зосимы и Савватия» 1545. Л., 1969.

[33] Подобедова О.И. Московская школа живописи при Иване IV. М.: Наука, 1972.
[34] Сочинения преподобного Максима Грека в русском переводе. Ч. 2. Типография Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1910.
[35] Симонов Р.А. Древнерусские значения понятий, восходящих к понятию «математика» // Историко-математические исследования (ИМИ). М.: Наука, 1990. Вып. 32—33.
[36] Рабинович И.М. О ятроматематиках // ИМИ, 1974. Вып. 19.
[37] Буланин Д.М. Булев (Бюлов) Николай // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Часть 1. Л.: Наука, 1988.
[38] Симонов Р.А. Астрология в России до «Брюсова календаря» // Урания, 1944, № 4.
[39] Буланин Д.М. Стоглав // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Часть 1. Л.: Наука, 1988.
[40] Симонов Р.А. Российские придворные «математики» XVI—XVI веков // Вопросы истории. 1986, № 1.
[41] Белоброва О.А. Из истории древнерусской геральдической литературы // ТОДРЛ. Л.: Наука, 1983. Т. 37.
[42] Пекарский П.П. Наука и литература при Петре Великом. СПб., 1862.
[43] Симонов Р.А. Астрология эпохи реформ. Предсказания на каждый день Вашей жизни по знаменитому Брюсову календарю // Наука и религия, 1993, № 10.
[44] Белоброва О.А. Географические сочинения в России XVII века // Барокко в славянских культурах. М.: Наука, 1982.
[45] Орел Российский: Творение Симеона Полоцкого / Сообщил Н.А.Сахаров. СПб., 1915. Изд. ОЛДП, вып. 133.
[46] Ковтун Л.С. Русская лексикография эпохи средневековья. М.—Л., 1963.
[47] Иванов П. Сборник снимков с древних печатей, приложенных к грамотам и другим юридическим актам, хранящихся в Московском архиве Министерства юстиции. М., 1858.
[48] Соболева Н.А. Русские печати. М.: Наука, 1991.
[49] Арциховский А. В. Древнерусские областные гербы // Ученые записки МГУ, вып. 93. История. Кн. 1. М., 1946.
[50] Богуславская И.Я. Русское народное искусство. Л.: Советский художник, 1968.
[51] Белова О.В. Сексуальные мотивы в древнерусских сказаниях о животных // Эротика в русском фольклоре (в печати).
[52] Прохоров Г.М. Кирилл Белозерский // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Вып. 2 (вторая половина XIV—XVI в.). Ч. 1. Л.: Наука, 1988.
[53] Прохоров Г.М., Розов Н.Н. Перечень книг Кирилла Белозерского // ТОДРЛ, Л.: Наука, 1981. Т. 36.
[54] Ларин Б.А. Русско-английский словарь Ричарда Джемса (1618—1619 гг.) Л.: Изд-во ЛГУ, 1959.
[55] Русский мат (Антология). Для специалистов-филологов /Под ред. Ф.Н.Ильясова. М., 1994.

[56] Ключевский В.О. Сочинения. М.: Мысль, 1988. Т. 2.
[57] Севастьянова А.А. Записи Джерома Горсея о России в конце XVI — начале XVII веков // Вопросы историографии и источниковедения отечественной истории. М., 1974.
[58] Лихачев Д.С. Лицедейство Грозного. К вопросу о смеховом стиле его произведений // Лихачев Д.С., Панченко А.М., Понырко Н.В. Смех в Древней Руси. Л.: Наука, 1984.
[59] Костомаров Н. Личность царя Ивана Васильевича Грозного. М.: Книга, 1988.
[60] Шмидт С.О. Заметки о языке посланий Ивана Грозного // ТОДРЛ. М.—Л.: Изд. АН СССР, 1958. Т. 14.
[61] Илюханова М.Б. Сюжеты и символы Московского царства. СПб.: Акрополь, 1995.
[62] Симонов Р.А. Рог нирога // Русская речь, 1985, № 3.